

ЖУРНАЛ «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК»

Том 1 // Номер 5 // 25 июня 2016 г.

ISSN: 2499-9989

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Филиппов Вадим Леонидович,

проф., д.м.н., Санкт-Петербург

Зам. главного редактора:

Воробьева Ольга Владимировна,

проф., д.м.н., Москва

Состав редколлегии:

Бойко Е. О., проф., д.м.н., Краснодар

Игумнов С. А., проф., д.м.н., Республика Беларусь

Меззич Х. Е., prof., M.D., США

Туркан Я., JUDr, Словацкая Республика

Куташов В. А., проф., д.м.н., Воронеж

Солдаткин В. А., проф., д.м.н., Ростов-на-Дону

Хансон Й., M.D., Ph.D., Швеция

Преображенский А.П., проф., д.т.н., Воронеж

Дроздовский Ю. В., проф., д.м.н., Омск

Аммон М., prof., Dr. phil., Dr.H.C., Федеративная Республика Германия

Ретюнский К. Ю., проф., д.м.н., Екатеринбург

Колесникова О.А., проф., д.э.н., Воронеж

Сакисян С. Г., prof., M.D., Ph.D., Республика Армения

Хатуева В. В., проф., д.ю.н.

Разинкин К. А., проф., д.т.н., Воронеж

Доктор Р., prof., M.D., Великобритания

Белоцерковский Г., M.D., Эстонская Республика

Воронов А.А., проф., д.ю.н., Воронеж

Якупов Э. З., проф., д.м.н., Казань

Андреас Г., prof., M.D., Федеративная Республика Германия

Воронцова З. А., проф., д.б.н., Воронеж

Александрович Дж., prof., dr.hab.med., Республика Польша

Сиволап Ю. П., проф., д.м.н., Москва

Трофимова Н. Б., проф., д.п.н., Воронеж

Тьяно С., prof., Государство Израиль

Чопоров О.Н., проф., д.т.н., Воронеж

Контактная информация

WWW.CScB.su

Адрес для корреспонденции:

141241, г. Пушкино, Московской области, ул. Рабочая д.20, к.49

Телефон: **+7 (473) 258-09-78**

E-mail: **CScB@list.ru**

Учредитель и издатель журнала:

ООО «Издательство РИТМ»

г. Пушкино

Тираж 300 шт.

Подписано в печать 27.06.2016

Формат 60x84 1/8

Бумага офсетная

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНА

Жигулин Р. А. 3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХЛОРПРОТИКСЕНА У НЕВРОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ ПОЗДНЕГО ВОЗРАСТА

Каменева Н.Н., Куташов В.А. 5

РОЛЬ ГОМОЦИСТЕИНА В РАЗВИТИИ ИШЕМИЧЕСКИХ ИНСУЛЬТОВ У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Марков А.И., Дудоров Т.Д. 7

ИНСТИТУТ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Синякова В.С., Дудоров Т.Д. 10

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХЛОРПРОТИКСЕНА У НЕВРОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ ПОЗДНЕГО ВОЗРАСТА

Р.А. Жигулин

ГБОУ ВПО ВГМУ Минздрава России, кафедра психиатрии и неврологии
Россия, г. Воронеж

Аннотация. Статья посвящена использованию препарата Хлорпротиксен (Труксал) в неврологической практике для коррекции психоневрологического статуса больных, в частности подбора дозы и показаний к назначению препарата, в том числе геронтологических больных при плохой переносимости седативных препаратов и антидепрессантов [1,2,4, 6, 7].

Ключевые слова: хлорпротиксен, вегетативные расстройства и депрессия, тревожно-депрессивная симптоматика, переносимость и дозировка.

Как известно, лечение неврологической патологии в позднем возрасте связано со значительными трудностями, вызванными непосредственным влиянием этого возрастного периода. К основным из них относятся: плохая переносимость психофармакотерапии с увеличенным риском развития побочного действия и осложнений, высокая коморбидность с разнообразными соматическими заболеваниями, создающими дополнительные ограничения в выборе препаратов для психокоррекции больных, и, наконец, высокая частота «атипичной» смешанной и полиморфной симптоматики, свойственной заболеваниям позднего возраста. Типичным примером последнего положения могут служить поздние депрессии, зачастую сочетающиеся в своей клинической картине компоненты тревожных, ипохондрических, соматизированных, бредовых и преходящих когнитивных расстройств. Еще более сложной для фармакотерапии можно считать наиболее свойственную позднему возрасту категорию вторичных состояний (психические расстройства при сосудистых, атрофических деменциях, сосудистых энцефалопатиях и др.), поскольку их лечение сталкивается с преодолением всех вышеперечисленных трудностей.

Цель работы: определение параметров и объемов назначения препарата Хлорпротиксен.

Материал и методы. Большая часть больных неврологического профиля наблюдающиеся в поликлинике и находящиеся на лечение в стационаре, имеет тот или иной спектр психических расстройств, обусловленных особенностями течения, длительностью, и характером их основного заболевания на фоне осложненного соматического статуса с явлениями вегетативных расстройств, что особенно становится заметно в позднем возрасте. Для более эффективного лечения таких больных приходится прибегать к фармакологической психокоррекции, что часто бывает, сопряжено с трудностями назначения таких часто используемых препаратов как Фенотепам и Амитриптилин – в связи с наличием индивидуальной непе-

реносимости, или выраженных побочных эффектов. [1,2]

Результаты и их обсуждение.

Несмотря на впечатляющие успехи фармакологии и создание новых многообещающих препаратов, пока не разработано «идеального» препарата для психокоррекции возрастных пациентов в неврологической практике, гармонично сочетающего в себе и эффективность и безопасность. В этой связи вполне резонно вспомнить о старых и знакомых препаратах, область применения которых оказалась незаслуженно суженной из-за «увлеченности» новыми. К таким препаратам, безусловно, относится нейролептик тиоксантенового ряда хлорпротиксен, который обладает целым рядом свойств, весьма полезных в неврологии. Первоначально хлорпротиксен был разработан фармацевтической компанией Лундбек (Дания). В России оригинальный датский хлорпротиксен зарегистрирован в 2000г. под торговым названием Труксал, таблетки по 5, 15, 25 и 50 мг. В отличие от других классических нейролептиков, в том числе и тиоксантенового ряда, Труксал, помимо дофаминовой системы, в гораздо большей степени влияет на адренало-, холино- и гистаминовые рецепторы, в связи с чем во многих справочниках его обозначают, как адрено- и холиноблокатор.

Фармакодинамика. Антипсихотическое действие Труксала связано с его блокирующим воздействием на дофаминовые рецепторы. С блокадой этих рецепторов связаны также антиэметические и анальгезирующие свойства препарата. Труксал способен блокировать 5-HT₂ - рецепторы, α₁ - адренорецепторы, а также H₁ - гистаминовые рецепторы, чем определяют его адреноблокирующее, гипотензивное и антигистаминные свойства.

Фармакокинетика. Биодоступность хлорпротиксена при пероральном приеме составляет около 12%. Хлорпротиксен быстро абсорбируется из кишечника, максимальная концентрация в сыворотке крови достигается через 2 часа. Время полувыведения составляет около 16 часов. Хлорпротиксен проникает через плацентарный

барьер и в небольших количествах выделяется с грудным молоком. Метаболиты не имеют нейролептической активности, выделяются с калом и мочой. [4]

Поскольку выраженность побочных эффектов Труксала напрямую зависит от доз препарата, его максимальные дозировки (600 мг/сут и выше), обеспечивающие наиболее эффективное антипсихотическое действие, практически не используются из-за угрозы развития коллаптоидных состояний. В отличие от максимальных, низкие и средние дозировки Труксала (от 10 до 100 мг/сут) являются вполне безопасными для применения даже у больных пожилого и старческого возраста.

Опыт применения Труксала показывает, что он может успешно использоваться значительно шире, чем только для традиционного лечения упорной бессонницы у психических больных пожилого и старческого возраста. Средние и низкие дозировки Труксала, сохраняющие седативный, антитревожный и своеобразный «антидепрессивный» эффекты препарата и позволяющие использовать его в комбинации с другими препаратами, делают Труксал весьма полезным для лечения столь распространенных в позднем возрасте состояний со смешанной тревожно-депрессивной симптоматикой. При этом следует отметить наличие наиболее удобных для пожилых больных таблетированных форм Труксала по 5 и 15 мг. В частности, высокоэффективным является сочетание Труксала (в дозировках от 15 до 45 мг/сут) с антидепрессантами при лечении больных с большими депрессиями со смешанной депрессивно-тревожной симптоматикой, а также вегетативными расстройствами (в виде вегетативных расстройств), в возрасте до 70 лет. У больных старше 70 лет при лечении депрессий с тревожным компонентом на фоне сосудистой энцефалопатии и начальных признаков психоорганического снижения использование Труксала также является достаточно успешным, хотя рекомендуется снижение дозировок до 15–25 мг/сут для избежания нежелательного релакси-

рующего и гипотензивного эффектов.

Применение Труксала в сверхнизких дозировках (10–15 мг/сут) может рекомендоваться для длительного использования при коррекции эпизодов тревожного возбуждения с нарушениями поведения и элементами психотических расстройств (бред ущерба, элементы ажитации, «сборы» в дорогу, грубое психопатическое поведение и т.п.) у больных сенильной и сенильно-сосудистой деменцией. Однако следует помнить, что применение Труксала для купирования выраженного психомоторного возбуждения с острыми состояниями спутанности у таких больных нежелательно, поскольку требует значительного повышения дозировок препарата и соответственно вызывает усиление побочных эффектов (выраженная гипотензия, усиление мышечной слабости, падения с угрозами переломов).

Термин “Паническая атака” получил сегодня признание во всем мире благодаря классификации болезней, предложенной Американской Ассоциацией психиатров в 1980 г. (DSM-III). Согласно последней, панические атаки являются основным проявлением “Панических расстройств” (ПР). В последующем эта классификация уточнялась и в настоящее время в последней ее версии - DSM-IV - и в Международной классификации болезней - МКБ-10 - приняты следующие критерии диагностики ПР. Врачам неврологам часто приходится иметь дело с этим типом расстройств, как самостоятельным проявлением, так и в синдромокомплексе. [5,8]

А. Повторное возникновение приступов, в которых интенсивный страх или дискомфорт в сочетании с четырьмя или более из нижеперечисленных симптомов развиваются внезапно и достигают своего пика в течение 10 мин:

- пульсации, сильное сердцебиение, учащенный пульс;
- потливость;
- озноб, тремор;
- ощущение нехватки воздуха, одышка;
- затруднение дыхания, удушье;
- боль или дискомфорт в левой половине грудной клетки;
- тошнота или абдоминальный дискомфорт;
- головокружение, неустойчивость (в виде несистемного головокружения, ощу-

щениями неустойчивости);

- слабость, дурнота, предобморочное состояние;
- ощущение онемения или покалывания (парестезии);
- волны жара и холода;
- ощущение дереализации, деперсонализации;
- страх смерти;
- страх сойти с ума или совершить неконтролируемый поступок.

Б. Возникновение ПА не обусловлено непосредственным физиологическим действием каких-либо веществ (например, лекарственной зависимостью или приемом препаратов) или соматическими заболеваниями (например, тиреотоксикоз).

В. В большинстве случаев ПА возникают не в результате других тревожных расстройств, таких как “Фобии” - “Социальные” и “Простые”, “Обсессивно-фобические расстройства”, “Посттравматические стрессовые расстройства”. [6,7]

Вместе с тем гипотензивное (побочное) действие Труксала может быть использовано для лечения психической патологии при сопутствующей гипертонической болезни. Так, у нескольких пожилых больных (68–74 лет) с гипертонической болезнью и вторичными тревожными расстройствами (панические атаки в сочетании с развитием выраженных гипертонических кризов) использование небольших дозировок Труксала (10–15 мг/сут) позволило не только устранить тревожные нарушения, но и стабилизировать показатели артериального давления.

Следует также отметить хорошую переносимость низких и средних дозировок Труксала пожилыми пациентами. Среди наших больных экстрапирамидное побочное действие Труксала не отмечалось совсем. Достаточно часто отмечавшиеся явления вялости, сонливости и мышечной слабости были незначительны и проходили совсем после первых дней приема, либо исчезали после снижения дозировок. Только больные с выраженными признаками сосудистой энцефалопатии имели склонность к возникновению или усилению имеющейся у них ортостатической гипотензии, что требовало изначального применения сверхнизких дозировок

Труксала (10–15 мг/сут), как отмечалось выше.

Таким образом, можно сказать, что наблюдающееся в настоящее время необоснованное сужение областей применения Труксала, на наш взгляд, является следствием первоначального отношения к нему, как к выраженному антипсихотику, высокие дозировки которого плохо переносятся больными. В отличие от этого, малые и средние дозировки Труксала являются вполне безопасными и позволяют успешно и эффективно использовать его для психокоррекции неврологических больных в качестве нейролептика широкого спектра действия при лечении тревожных, тревожно-соматизированных и тревожно-депрессивных расстройств, а также ажитированных состояний с нарушениями поведения при деменциях даже у больных с достаточно выраженной коморбидной соматической патологией.

Литература:

1. Шток В. Н. Фармакотерапия в неврологии. — М.: Медицина, 1995. — 225 с.
2. Смулевич А.В., Козырев В.Н., Сыркин А.Л. Депрессии у соматических больных. М. 1997; 108 с.
3. Гусева Е.И., Коновалова А.Н., Скворцовой В.И., Гехт А.Б. Неврология: национальное руководство – 2010; 799с.
4. Регистр Лекарственных Средств России. РЛС.
5. МКБ-10 Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. ВОЗ/Пер. с англ. Под ред. Ю.Л. Нуллера, С.Ю. Циркина СПб. “АДИС” 1994.
6. Вейн А.М., Дюкова Г.М., Воробьева О.В., Данилов А.Б. Панические атаки. СПб. 1997.
7. Вегетативные расстройства. Клиника. Диагностика. Лечение. Под ред. А.М. Вейна. Медицинское информационное агентство. М. 1998; 749.
8. DSM-IV. Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders. Washington 1990.

Сведения об авторе:

Жигулин Роман Александрович – врач невролог ГУЗ Добринская МРБ, e-mail: exile69@mail.ru

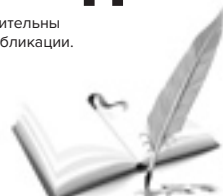

394019, г. Воронеж,
ул. Солнечная, д. 17, офис 20
<http://www.i-ritm.ru>
Тел.: 8(473) 290-24-53

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОНОГРАФИЙ

с ISBN и рассылкой

Цены действительны
на момент публикации.

Тираж: **50 экз.**

Количество страниц: **200**

Формат: **A5**

Цена: мягкий переплет **5000 р.**

твердый переплет..... **10000 р.**

РОЛЬ ГОМОЦИСТЕИНА В РАЗВИТИИ ИШЕМИЧЕСКИХ ИНСУЛЬТОВ У ЛИЦ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Н.Н. Каменева
В.А. Куташов

ГБОУ ВПО ВГМУ им. Н. Н. Бурденко Минздрава России,
кафедра психиатрии и неврологии ИДПО, Россия, г. Воронеж

Аннотация. В мире ежегодно инсульт поражает около 6 млн. человек, а в России - более 450 000., т.е. каждые 1,5 минуты кто-то из наших соотечественников впервые переносит инсульт [1]. Одной из негативных тенденций является нарастание частоты мозгового инсульта среди лиц молодого возраста (МВ), которая колеблется, по данным разных исследователей, от 2,5 до 10% всех инсультов в популяции. Мужчины и женщины МВ (до 45 лет) являются социально значимой частью в силу активной занятости во многих сферах деятельности и перспектив воспроизводства народонаселения. Летальность в острой стадии ишемического инсульта (ИИ) в молодом возрасте составляет до 7%, при геморрагическом инсульте от 17 до 26%. При этом, среди таких больных, возвращаются к труду только около 40% [2].

Мозговой инсульт у лиц молодого возраста из разряда казуистики стал повседневной реальностью. Возникают существенные трудности в выявлении причины инсульта у лиц МВ, его диагностики, а также возможной профилактики. Так, особое внимание в последние годы привлекают сведения о влиянии высоких уровней гомоцистеина (ГЦ) на развитие эндотелиальной дисфункции и супрессию антикоагулянтной системы, что имеет важнейшее значение для развития ишемических инсультов у лиц молодого возраста [3].

Ключевые слова: ишемический инсульт, молодой возраст, гомоцистеин, гипергомоцистеинемия.

История изучения гомоцистеина. В 1932 году выдающийся американский биохимик, лауреат Нобелевской премии Винсент Дю Виньо синтезировал новую, неизвестную ранее аминокислоту путем воздействия на метионин серной кислотой. В 1933 году был описан клинический случай слабоумия, дистопии хрусталика, пороков развития скелета у 8-летнего мальчика. Ребенок погиб от ишемического инсульта. На вскрытии патологоанатом Трейси Меллори выявил резкое сужение просвета сонных артерий из-за множества атеросклеротических бляшек — «это был атеросклероз, который можно обнаружить у пожилых людей». Примечательно, что в 1965 году у племянника этого ребенка диагностирована гипергомоцистеинурия. Позже, в 1968 году был описан случай гомоцистеинурии у 2-месячного ребёнка, вызванной дефектом метионинсинтетазы. На вскрытии было обнаружено атеросклеротическое поражение всех крупных артерий. Эти случаи заинтересовали сотрудника Национального института здравоохранения США Килмера Мак-Калли, который в 1969 году впервые высказал предположение о роли гомоцистеина в развитии цереброваскулярных заболеваний. Тогда же стали проводиться популяционные исследования, связанные с гипергомоцистеинемией [4].

Что же такое гомоцистеин. Гомоцистеин представляет собой серосодержащую аминокислоту, синтезируемую эндогенно из метионина. ГЦ не является витамином и не входит в состав белков организма человека. Обмен гомоцистеина основан на двух биохимических константах — реметилировании и транссульфирации, именно баланс между этими механизмами и определяет его уровень.

Для функционирования обоих путей необходима достаточная концентрация витаминов В1, В6, В12 и фолиевой кислоты, которые выступают как коферменты в реакциях реметилирования и транссульфирования [4].

К патологическому накоплению ГЦ могут приводить как генетически детерминированные дефекты в ферментах, участвующих в вышеперечисленных реакциях, так и недостаток витаминов В1, В6, В12 и фолиевой кислоты в пищевом рационе. При исследовании полиморфизма по гену метилентетрагидрофолатредуктазы установлено, что у 10–16% популяции наблюдается гомозиготность по данному варианту, и это характеризуются повышенным содержанием гомоцистеина. Недостаточность витаминов группы В также является довольно распространенным явлением, которое приводит к повышению уровня гомоцистеинемии. Таким образом, создаются предпосылки для широкого распространения гипергомоцистеинемии в популяции [5].

При гипергомоцистеинемии повышается концентрация липопротеинов низкой и очень низкой плотности, снижается продукция эндотелиального релаксирующего фактора и сульфатированных гликозаминогликанов, активируются сериновые протеазы. Всё это приводит к процессам повреждения эндотелиоцитов и эластической мембраны. Снижается синтез простаглицина, стимулируются рост гладкомышечных клеток сосудистой стенки и пролиферация эндотелия, происходит угнетение синтеза тромбомодулина — эндотелиального белка, без которого нарушается процесс активации тромбином естественных антикоагулянтов. Одновременно происходит модификация V фак-

тора свертывания крови, в результате он становится нечувствительным к действию протеина С. Вышеописанные процессы приводят к дополнительному повышению коагуляционных свойств крови [4].

Таким образом, патогенетическая роль гипергомоцистеинемии двояка: она заключается в повреждении эндотелия и связанном с ним раннем атерогенезе, а также в повышении склонности к развитию венозных и артериальных тромбозов.

В многочисленных популяционных исследованиях нижний уровень содержания гомоцистеина обычно определяется достаточно однозначно (5 мкмоль/л), а вот верхний предел обычно варьирует между 10 и 20 мкмоль/л – в зависимости от возраста, пола, этнической группы и особенностей потребления фолатов. В зависимости от уровня гомоцистеина в крови различают несколько форм гипергомоцистеинемии: тяжелая форма ГЦ (>100 мкмоль/л), умеренная форма ГЦ (30–100 мкмоль/л), легкая форма ГЦ (10–30 мкмоль/л).

Гомоцистеин и ишемический инсульт.

Результаты многочисленных исследований выявили четкую корреляцию между уровнем гомоцистеина и риском развития цереброваскулярных заболеваний, прежде всего ишемического инсульта. Метаанализ опубликованных работ показывает, что повышение уровня гомоцистеина является индуктором атерогенеза. По приблизительным оценкам снижение уровня гомоцистеина до 10 мкмоль/л могло бы предотвратить или отсрочить развитие цереброваскулярной патологии у 15–40% населения. Повышение уровня гомоцистеина на 25% (т.е. 3 мкмоль/л) ассоциируется с увеличением риска раз-

вития инсульта на 19 %. Подобные результаты были получены при ретроспективном анализе историй болезни 16 849 пациентов. При обзоре других работ только в 7 % не выявлено четкой связи гипергомоцистеинемии и смертности ИИ [5].

Гипергомоцистеинемия средней степени тяжести обнаруживается у 42% больных с цереброваскулярными нарушениями в возрасте до 50 лет. Было доказано, что у мужчин в возрасте 40-50 лет увеличивается риск инсульта в 4,1 раза при гипергомоцистеинемии средней степени. А тяжёлая гипергомоцистеинемия является причиной более половины всех случаев ишемического инсульта, инфаркта миокарда и эмболии легочной артерии у больных в возрасте до 30 лет. Целый ряд популяционных исследований показал, что гипергомоцистеинемия фиксируется у детей, перенесших ишемический инсульт, в 4,4 раза чаще, чем в контрольной группе [6].

Особенно интересны результаты исследований проф. И.С. Зозули и соавторов. Показано постепенное увеличение содержания гомоцистеина в плазме от острого периода инсульта к стадии последствий. Подобные результаты получены и в работах Reser Aygalı, Dilcan Kotan (2008), выявлено увеличение концентрации Г. в плазме и цереброспинальной жидкости от острой стадии инсульта к последствиям [7].

В настоящий момент в литературных источниках нет единого объяснения данного факта. Не исключено, что не только повышение уровня гомоцистеина вызывает оксидантный стресс, но и наоборот,

т.е. в условиях хронической гипоксии создаются условия для патологического накопления гомоцистеина, возможно, за счет истощения антиоксидантных систем, тем самым приводя к возникновению «порочного круга».

Таким образом, анализ иностранной и отечественной литературы свидетельствует о том, что нарушение обмена гомоцистеина является важным фактором, влияющим на возникновение и течение ишемического инсульта, особенно у молодых людей. Обследование больных с ишемическим инсультом, а также его профилактики у лиц молодого возраста, помимо стандартного комплекса диагностических мероприятий должна включать расширенное изучение состояния системы гемостаза, иммунологические тесты, на выявление и причины гипергомоцистеинемии. Высокий уровень гомоцистеина нуждается в терапевтической коррекции, соответствующими диетами и препаратами в целях профилактики ишемического инсульта у лиц молодого возраста.

Литература:

1. Гусев Е.И., Скворцова В.И., Платонова И.А. Терапия ишемического инсульта. // Consilium Medicum, 2003. Спец. вып. С. 18-25.
2. Кадыков, А.С. Особенности нарушений мозгового кровообращения в молодом возрасте / А.С. Кадыков, Н.В. Шапаронова // Рус. мед. журн. -2006.-Т. 14, №4. С. 17-43
3. Патрушев Л.И. Генетические механизмы наследственных нарушений гемостаза // Биохимия. — 2002. — Т. 67, №1.

— С. 40-55.

4. Килмер С. McCully. Химическая Патология гомоцистеина. Внутривенно Эксайтотоксичность, окислительный стресс, эндотелиальную дисфункцию и Воспаление / Килмер С. McCully // Ann Clin. Лаборатория Sci. - 2009. - Vol. 39, № 3. - С. 219-232

5. Ван Х., Цинь Х., Демиртас Х., Ли Дж, Мао Г., вс Н., Лю Л., Сюй Х. Эффективность фолиевой кислоты в профилактике инсульта: мета-анализ // Lancet. - 2007. - 369. - 1876-1882.

6. Альберт С, Кук Р., Дэниелсон Е., Мэнсон Е. Влияние фолиевой кислоты и витаминов группы риска по ofcardiovascular событий и общей смертности среди женщин с высоким риском forcardiovascular заболевания: рандомизированное испытание // JAMA. - 2008. - 299. - 2027-2036.

7. Зозуля И.С. Гипергомоцистеинемия и другие метаболические предикторы развития и течения ишемического инсульта / Зозуля И.С., Шевчук В.И., Бессмертная В. - М.: Национальная медицинская академия последипломного образования имени П.Л. Шупика, 2011. - С. 34-36, 124-25.

Сведения об авторах:

Каменева Наталья Николаевна – врач-интерн кафедры психиатрии и неврологии ИДПО ВГМУ им.Н.Н.Бурденко, e-mail: natkam92@mail.ru

Куташов Вячеслав Анатольевич – д.м.н., профессор, заведующий кафедрой психиатрии и неврологии ИДПО, e-mail: kutash@mail.ru

N.N. Kameneva

TNE ROLE OF HOMOCYSTEINE IN ISCHEMIC STROKE IN PERSONS YOUNG

Summary: Annually stroke affects about 6 million people in the world, and in Russia - 450 thousand, ie, every 1.5 minutes someone of our compatriots for the first time a stroke [1]. One of the negative trends is the increase in the frequency of stroke among young adults (MW), which varies according to different researchers, from 2.5 to 10% of all strokes in the population. Men and women MW (up to 45 years) are an important part of the social effect of active employment in many areas of reproduction and population prospects. Mortality in the acute stage of ischemic stroke (IS) at a young age up to 7%, in hemorrhagic stroke by 17 to 26%. Thus, among these patients return to work only about 40% [2].

Brain stroke in people of young age of casuistry discharge has become a daily reality. There are substantial difficulties in identifying the causes of stroke in CF people, its diagnosis and possible prevention. So, special attention in recent years attracted the attention on the impact of high levels of homocysteine (HC) on the development of endothelial dysfunction and suppression of the anticoagulant system, which is essential for the development of ischemic stroke in young adults [3].

Key words: ischemic stroke, young age, homocysteine, hyperhomocysteinemia.

References:

1. Gusev EI, Skvortsova VI, Platonov IA Treatment of ischemic stroke. // Consilium Medicum, 2003. Spec. Vol. S. P. 18-25.
2. Adam's apple, A.C. Features of cerebrovascular events in young / A.C. Adam's apple, NV Shahparonova // Rus. honey. Zh. -2006.-Т. 14, №4. P. 17-43
3. Patrushev LI Genetic mechanisms of hereditary disorders of hemostasis // Biochemistry. - 2002. - Т. 67, №1. - P. 40-55.
4. Kilmer S. McCully. Chemical Pathology

of Homocysteine. IV. Excitotoxicity, Oxidative Stress, Endothelial Dysfunction, and Inflammation / Kilmer S. McCully // Ann Clin. Lab. Sci. — 2009. — Vol. 39, № 3. — P. 219-232

5. Wang X., Qin X., Demirtas H., Li J., Mao G., Huo Y., Sun N., Liu L., Xu X. Efficacy of folic acid supplementation in stroke prevention: a meta-analysis // Lancet. — 2007. — P. 369. — 1876-1882.

6. Albert CM, Cook NR, Gaziano JM, Zaharris E., MacFadyen J., E. Danielson, Buring JE, Manson JE Effect of folic acid

and B vitamins on the risk ofcardiovascular events and total mortality among women at high risk forcardiovascular disease: a randomized, test // JAMA. - 2008. - 299 - 2027-2036.

7. Zozulya IS Hyperhomocysteinemia and other metabolic predictors of the development and course of ischemic stroke / Zozulya IS, Shevchuk VI, V. Immortal - M.: National Medical Academy of Postgraduate Education named after PL Shupyk, 2011. - P. 34-36, 124-25.

ИНСТИТУТ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Марков А.И.

магистрант Центрального филиала,

Российский государственный университет правосудия, Россия, г. Воронеж

Дудоров Т.Д.

доцент кафедры Уголовно-процессуального права, канд.юр.наук,

Российский государственный университет правосудия, Россия, г. Воронеж

Аннотация: В статье проводится анализ исторической ретроспективы реформирования института подозреваемого с использованием периодизации, основой которой является принятие наиболее знаковых уголовно-процессуальных актов, отражающих как революционные, так и эволюционные изменения государственного и общественного строя России. Применение подобной периодизации позволило авторам выделить четыре основных этапа становления и развития института подозреваемого.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, подозреваемый, обвиняемый, уголовное дело.

Как и любое другое исследование юридического характера, исследование института подозреваемого в уголовном судопроизводстве с очевидностью можно признать неполноценным и даже невозможным без анализа того исторического пути по которому прошел данный институт в отечественном уголовно-процессуальном праве. В этой связи, считаем необходимым, анализировать историческую ретроспективу реформирования указанного института, используя периодизацию, основой которой является принятие знаковых уголовно-процессуальных актов, отражающих революционные и эволюционные изменения государственного и общественного строя России. На основании такой периодизации мы позволим себе выделить четыре основных этапа становления и развития института подозреваемого.

Первый этап – до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года характеризуется розыскной формой уголовного процесса. На данном историческом отрезке законодатель еще не выделял каких-либо существенных принципиальных отличий между возможными категориями преследуемых в уголовном порядке лиц. Не было оформлено, впрочем, и самих понятий «подозреваемый» и «обвиняемый». Чаще всего использовалось понятие «находящийся под подозрением», при этом таковым считалось лицо, в отношении которого проводился «розыск», т.е. осуществлялось уголовное преследование.

Впервые упоминание категории «подозреваемый» содержится в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», принятом в 1715 году [1, 408-425]. Так, в соответствии со ст. 6 названного документа лицо находилось «под подозрением, если: пыталось скрыться от суда; его видели вместе с другими «злодеями»; оно ранее высказывало угрозы лицу, пострадавшему от преступления; давало противоречивые или разногласящие

по смыслу показания перед судом; если станет известно, что оно кому-то рассказало о совершенном им преступлении; если имелся очевидец преступления. С.И. Пономаренко полагает, что с точки зрения правового статуса подозреваемого «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» носило скорее декларативный характер, поскольку помимо оснований «нахождения под подозрением» не содержало никаких конкретных процессуальных прав и обязанностей соответствующего лица» [2, 23].

Впервые понятие «подозреваемый» появляется в отечественном уголовном процессе видимо с принятием Свода законов Российской империи, принятом в 1832 году. Именно в данном своде законов, несмотря на то, что опять же он не содержит каких-либо существенных различий между понятиями «обвиняемый» и «подозреваемый» впервые появляется термин «обличение», которое следует понимать как «изыскание всех обстоятельств дела или происшествия, составляющего преступление, и собирание доказательств к открытию и обличению виновного» [3, 121]. Подозрение в совершении преступления становится основанием для задержания лица и доставления его в полицию с целью допроса и исследования обстоятельств дела. Характерной особенностью рассматриваемого нормативного акта является то, что он впервые закрепляет возможность вынесения судом, наряду с обвинительным и оправдательным приговорами, приговора «об оставлении в подозрении». Такое решение по уголовному делу могло быть принято в случае, если «против подсудимого, при недостатке полного доказательства, есть, однако же, некоторые улики», в зависимости от которых он мог: 1) оставаться просто в подозрении; 2) отдаваться под поручительство; 3) приносить присягу (ст. 344 Свода законов Российской империи).

Необходимо отметить, что уже в середине 18 века система полицейского

расследования перестала удовлетворять интересам государственной власти, что предопределило появление попыток его реформирования, нашедших отражение в создании института судебных следователей, учрежденного Указом императора Александра II от 8 июня 1860 г. «Об отделении следственной части от полиции». Целью издания названного Указа было отделение следственной деятельности от деятельности по охране правопорядка, хотя за полицией оставалось расследование «маловажных» преступлений, а также дознание о происшествиях, которые находились в прямой связи с «важными» преступлениями и проступками. Многие исследователи рассматривают реформирование органов уголовной юстиции 1860 г. как первый шаг к масштабной реформе всего уголовного судопроизводства, давшей толчок развитию института подозреваемого в том числе [4].

Таким образом, институт подозреваемого зарождается и развивается вместе с розыскным уголовным процессом, отражая характер происходящих в нем эволюционных изменений. Характерные черты его инквизиционной формы не могли не сказаться на положении лица, в отношении которого реализуется уголовное преследование. Пока не существует четкой градации процессуальных позиций обвиняемого и подозреваемого, в условиях отсутствия принципа презумпции невиновности лицо, могло оставаться на подозрении на неопределенный период времени, к нему применялись без неоспоримых доказательств вины различного рода ограничения: ссылка на поселение, отдача на военную службу, надзор полиции и т.п.

Второй этап становления и развития института подозреваемого традиционно связывается с принятием Устава уголовного судопроизводства 1864 года, который рассматривается как формообразующий нормативный акт, обусловивший переход к состязательному уголовному судопроизводству. Именно в этом докумен-

те впервые произошло законодательное закрепление ряда существенных для нашего исследования постулатов, которые в наше время являются общепризнанными и закрепленными в законе принципами уголовного процесса: презумпцию невиновности («Никто не может быть наказан за преступления или проступки, подлежащие ведомству судебных мест, не быв приговорен к наказанию приговором надлежащего суда, вошедшим в законную силу» - ст.1); осуществление правосудия только судом («Власть судебная, т.е. рассмотрение уголовных дел и постановление приговоров, принадлежит судам без всякого участия властей административных» - ст. 5); разделение уголовно-процессуальных функций. При этом нормы названного ранее Указа «Об отделении следственной части от полиции» стали рассматриваться как составная часть УУС в части регламентации оснований задержания и статуса лица, находящегося под подозрением.

Несмотря на очевидную прогрессивность нового уголовно-процессуального акта, УУС по-прежнему не видел существенных отличий процессуальных позиций обвиняемого и подозреваемого. В тексте закона содержатся многочисленные упоминания указанных участников процесса (например, термин «обвиняемый» используется в ст. ст. 46, 257, 258, 276, 289, 314 и др. УУС) без их градации. Наиболее наглядно это иллюстрирует текстом ст. 407 УУС, которая гласит: «каждый обвиняемый допрашивается порознь, с принятием меры, чтобы подозреваемые в одном и том же преступлении не могли иметь стачки между собой». Ситуация была несколько скорректирована принятием определения Высшего дисциплинарного присутствия Сената от 23 марта 1898 г., в котором разъяснялось, что «не только приводу, но даже и призыву лиц, на которых падает подозрение в совершении преступного деяния, должен предшествовать судопроизводственный акт, коим означенное лицо по обстоятельствам дела признается обвиняемым, а именно: постановление судебного следователя о привлечении этого лица в качестве обвиняемого» [5, 23]. Таким образом, обвиняемым, согласно УУС, являлось лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование после вынесения постановления о его привлечении в качестве обвиняемого. До этого момента лицо, соответственно, имело статус подозреваемого.

Таким образом, второй этап развития института подозреваемого в российском уголовно-процессуальном праве характеризуется переходом к состязательной модели судопроизводства, более четким определением процессуального статуса подозреваемого, возможностью реализовать право на защиту в условиях действия принципа презумпции невиновности.

Третий этап, как было обозначено выше, связывается нами с принятием

Декрета о суде № 1. Революционные изменения государственного и общественного строя 1917 года не могли не оказать влияния на правовую систему российского государства. Стихийно возникшие судебные органы были достаточно многообразными: революционные суды, народные суды, мировые суды, суды народной совести, административные суды. Деятельность этих органов чаще всего основывалась на «революционном правосознании, нежели на нормах права. Первым нормативным актом, внесшим относительный порядок в хаотичную систему отправления правосудия, стал Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О суде № 1» [6, 18]. Он упразднил все судебные органы, созданные после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года, прокуратуру, адвокатуру и институт судебных следователей. Отправление правосудия осуществлялось коллегиально (судья и два народных заседателя), обвинителями и защитниками могли выступать любые лица, имеющие гражданские права. Предварительное следствие осуществлялось судьей единолично. Дальнейшее развитие судебное право получило с принятием в 1918 году Декретов о суде № 2 и № 3 [6, 21-23], обозначивших принципы нового революционного уголовного процесса, полностью исключившие его состязательный характер: расширение судебного правотворчества; социальные и политические мотивы при принятии решений по уголовным делам; сближение судебной и административной властей.

В период становления советского уголовно-процессуального права, когда дореволюционные принципы осуществления судопроизводства были отвергнуты по идеологическим соображениям, а новая власть ещё не выработала единой стратегии развития правоохранительных органов в целом и судебносудебного аппарата в частности, государство и общество были крайне политизированы, трудно говорить и о последовательной научной концепции реализации института подозреваемого. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 года последовательно проводил принцип единого публичного начала уголовного судопроизводства. По сути в рассматриваемом нормативном акте нашли отражение два параллельных порядка производства по уголовным делам, зависящих от классовой принадлежности подозреваемого. При производстве по уголовным делам в отношении рабочих и крестьян в народных судах действовали в основном все демократические принципы процесса. В губернских судах, рассматривающих дела в отношении представителей враждебных классов начала гласности, устности, непосредственности, состязательности, обеспечения подозреваемому права на защиту были ограниче-

ства была сведена к минимуму правилом, содержащимся в ст. 38 УПК РСФСР: «Допущение обвинения и защиты в судебном заседании по делам, рассматриваемым в губернских судах, не обязательно». Вместе с тем, законодатель, оперируя двумя терминами: «подозреваемый» и «обвиняемый», практически не разграничивал указанных участников, следуя правовой традиции Устава уголовного судопроизводства 1864 года. Это предопределило наличие устойчивой тенденции в следственной практике, когда лица, допрашиваемые в качестве подозреваемых, сразу же после допроса, если подозрение подтверждалось, привлекались в качестве обвиняемых. Подобная ситуация, при полном законодательном отказе от регламентации прав подозреваемого, привела к принятию Прокуратурой СССР Циркуляра от 5 июня 1937 года № 41/26, в котором предписывалось устранить из следственной практики ситуации, где фигурирует подозреваемый. Поскольку никаких изменений в уголовно-процессуальное законодательство не последовало, то лица, подозреваемые в совершении преступлений, стали повсеместно допрашиваться в качестве свидетелей с последующим предъявлением обвинения. Тем не менее, в науке уголовного процесса стал активно дискутироваться вопрос об исключении подозреваемого из числа участников уголовного судопроизводства как ненужную альтернативу обвиняемому. Стронники подобной позиции, приводя аргументы о временном характере этой процессуальной фигуры, отсутствии ее статуса в законодательстве, предлагали ограничить сторону защиты, установив, что частные интересы имеет только обвиняемый, как при производстве дознания, так и в ходе предварительного следствия [7]. Однако законодательную поддержку получила полярная концепция, сторонниками которой выступали М.С. Строгович, Л.М. Карнеева и др. ученые-процессуалисты, указывавшие, что необходимо не только сохранить процессуальную фигуру подозреваемого, но и существенно расширить его права, а также четко определить процессуальные основания его появления в деле [8].

Принятые 25 декабря 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР, а вслед за ними УПК РСФСР, вступивший в силу с 1 января 1961 года, и действовавший с многочисленными изменениями и дополнениями вплоть до 1 июля 2002 г., наконец обозначили различия двух субъектов уголовного процесса, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, достаточно подробно и детально регламентировав процессуальные статусы обвиняемого и подозреваемого, включив их в число самостоятельных участников уголовного процесса со стороны защиты. Так, в ч. 1 ст. 52 УПК РСФСР было сформулировано понятие «подозреваемый», которым признавалось: 1) лицо,

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

задержанное по подозрению в совершении преступления; 2) лицо, к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения. Анализ совокупности норм действовавшего в данный период времени уголовно-процессуального закона позволяет утверждать, что подозреваемый наделялся достаточно широким спектром прав: знать в чем подозревается, давать показания на родном языке, право на защиту; знакомиться с материалами уголовного дела и принятыми в отношении него решениями; заявлять ходатайства и жалобы и т.д.

В последующем обозначенный в УПК РСФСР статус динамически развивался как посредством изменения текста Кодекса, так и путем принятия иных уголовно-процессуальных актов. Например, Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве 1989 г. [9] был обозначен момент вступления в уголовный процесс защитника с момента задержания, ареста или предъявления обвинения (ч. 1 ст. 14), Федеральный закон 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [10] четко обозначил права лиц, арестованных по подозрению в совершении преступления, Закон РФ от 23 мая 1992 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [11] уточнил, что защитник допускается к участию в деле с момента объявления протокола задержания, а также установил, что подозреваемый имеет право обжалования в суд законности и обоснованности ареста и продления срока содержания под стражей.

Новый этап в развитии института подозреваемого начался с принятием УПК РФ 2001 г. Это внесло существенные коррективы в базовые принципы функционирования механизма уголовно-процессуального регулирования общественных отношений. Защита конституционных прав и свобод граждан как основополагающий принцип государственной и правовой системы России получила свое отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве, существенно изменив его направленность в сторону доминирования принципа состязательности и равноправия сторон [12, 86]. Мы полагаем, что с точки зрения правового закрепления подозреваемого как полноправного участника уголовного процесса, принятие УПК РФ 2001 г. стало логическим завершением реализации положений судебно-правовой реформы. Необходимо отметить, что никаких революционных новаций новый уголовно-процессуальный закон не содержал, поскольку воспринял положения УПК РСФСР со всеми изменениями и дополнениями, имевшими место за десятилетия его действия. Так, ст. 46 УПК РФ содержит понятие и общие основы процессуального статуса подозреваемого в расширенном варианте перечня оснований признания лица

таким. За двенадцать лет действия УПК РФ, бесспорно, были внесены изменения в нормы, составляющие содержание института подозреваемого, суть которых может быть сведена к следующему:

1) имеется тенденция к сближению процессуальных статусов обвиняемого и подозреваемого в части регламентации специальных прав, не обозначенных в ст.ст. 46, 47 УПК РФ. Так, после внесения изменений в УПК РФ Федеральными законами № 58-ФЗ от 29.05.2002 г., № 92-ФЗ от 04.07.2003 г. подозреваемый, наряду с обвиняемым, превратился в субъекта, к которому в полной мере применимы нормы приостановления и возобновления предварительного следствия;

2) расширен перечень оснований признания лица подозреваемым посредством возможности уведомления о подозрении в совершении преступления (Федеральный закон от 06.06.2007г. № 90-ФЗ);

3) расширены гарантии реализации права на защиту посредством установления момента вступления в уголовный процесс защитника подозреваемого, предоставления конфиденциального свидания до первого допроса в качестве подозреваемого (Федеральный закон от 06.06.2007г. № 90-ФЗ);

4) находится в процессе постоянного реформирования институт задержания подозреваемого: был установлен предельный 48-часовой срок задержания лица по подозрению в совершении преступления, возможный без судебного решения; задержание лица по подозрению в совершении преступления получило более детальную регламентацию; достаточно подробно был урегулирован порядок задержания и уведомления об этом соответствующих лиц, основания освобождения подозреваемого; определен порядок обжалования любых действий и решений органа дознания, дознавателя, следователя; предусмотрено право на реабилитацию незаконно задержанных (Федеральный закон от 05.06.2007г. № 87-ФЗ; Федеральный закон от 06.06.2007г. № 90-ФЗ; Федеральный закон от 22.07.2010г. № 155-ФЗ; Федеральный закон от 01.07.2010г. № 132-ФЗ); подозреваемому было предоставлено право на один телефонный звонок с целью уведомления родственников, близких родственников, близких лиц о задержании (Федеральный закон от 30.12.2015 г. № ; № 437-ФЗ);

Таким образом, можно сделать вывод, что институт подозреваемого в своем развитии прошел четыре последовательных этапа:

I этап – (с 1715 года по 1864 год) характеризуется попыткой формирования категории «подозрение» без определения конкретного носителя такового с определением его прав и обязанностей, что детерминируется розыскной формой уголовного судопроизводства.

II этап – (с 1864 года по 1917 год) свя-

зан с принятием и реализацией на практике положений Устава уголовного судопроизводства, который впервые определяет подозреваемого как участника уголовного процесса, не проводя, однако, принципиальных различий между ним и обвиняемым; четко формулирует возможность и гарантии реализации подозреваемым права на защиту; определяет процессуальный режим задержания.

III этап – (с 1917 года по 2001 год) характеризуется наибольшей политизацией уголовно-процессуального законодательства, коснувшейся и статуса лица, подозреваемого в совершении преступления. Развитие законодательства на данном этапе включало в себя как полное отрицание процессуальной фигуры подозреваемого, так и поступательное расширение его прав на уровне кодифицированных нормативных актов.

IV этап – (с 2001 года по настоящее время). Реформирование процессуального статуса подозреваемого имеет свойство динамичности, поскольку находится в постоянном развитии с учетом доктринальных разработок и меняющихся потребностей следственно-судебной практики.

Однако уже сейчас можно констатировать, что за всю историю развития отечественного уголовно-процессуального законодательства, только на современном этапе институт подозреваемого получил максимальную законодательную регламентацию.

Список литературы

1. Российское законодательство XIX-XX веков / Под ред. О.И. Чистякова. Т. 4. М., 1986. 512с.
2. Пономаренко С.И.. Современные проблемы реализации процессуального статуса подозреваемого. Дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград 2005. – С. 23.
3. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве России / В.А. Линовский. М., 2001. 240с.
4. См.: Звездина Е.И. Исторические и процессуальные аспекты развития института подозреваемого / Е.И. Звездина // Право и политика. 2007. № 5. С. 86-91; Демирчян В.В. Институт подозреваемого в российском уголовном процессе: история и современность / В.В. Демирчян // Общество и право. 2008. № 1. С. 192.
5. Цит. по: Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе / Ю.Б. Чупилкин. Ростов-на-Дону, 2001. 185с.
6. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (послеоктябрьский период) / Сост. Ю.П. Титов, О.И. Чистяков. М., 1994. 472с.
7. См., например: Резник А., Сорокин Ф. Несостоятельность предложения о введении в процесс подозреваемого / А. Резник // Соц. законность. 1955. № 8.

С.31-33; Рябинин Р. Нужна ли «фигура подозреваемого»? / Р. Рябинин // Сов. юстиция. 1957. № 2. С. 60; Гольст Г.Р. Основные задачи предварительного расследования / Г.Р. Гольст // Сов. гос. и право. 1957. № 7. С.71.

8. См.: Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. М., 1951. С. 118; Карнеева Л.М. Процессуальное положение подозреваемого в связи с проектом УПК СССР / Л.М. Карнеева // Соц. законность. 1954. № 12. С. 20-21.

9. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 441.

10. Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

11. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 25. Ст. 1389.

12. Мельников В.Ю. Права личности в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 1. С. 84-90.

Bibliography

1. Russian legislation no-load condition of centuries / pod red. O.I. Chistyakova. T. 4. M., 1986. 512s.

2. Ponomarenko S.I. Contemporary problems of the realization of processual status of that suspected. Dissertations

... Cand. jurid. the sciences: 12.00.09. Volgograd 2005. – S. 23.

3. Linovskiy v.a. Experience of historical rozyskaniy about the investigation criminal legal procedure of Russia / v.a. Linovskiy. M., 2001. 240s.

4. See: Zvezdina E.I. Historical and processual aspects of the development of the institute of suspected / E.I. Zvezdina // right and policy. 2007. № 5. S. 86-91; Demirchyan explosive. Institute of that suspected of the Russian criminal process: history and the present / explosive. Demirchyan // society and right. 2008. № 1. S. 192.

5. Cited. on: Chupilkin YU.B. Guarantees of the rights of that suspected of the Russian criminal process / YU.B. Chupilkin. To Rostov-on-Don, 2001. 185s.

6. Reader on the history of domestic state and right (post-October revolution period) / Sost. YU.P. Titov, O.I. Chistyakov. M., 1994. 472s.

7. See, for example: Butcher a., Sorokin f. Insolvency of proposal about the introduction into the process of suspected / a. Butcher // Sots. legality. 1955. № 8. S.31-33; Ryabinin r. Is necessary “the figure of that suspected”? / R. Ryabinin // of Sov. justice. 1957. № 2. S. 60; Golst G.R. Basic tasks of preliminary investigation / G.R. Golst // Sov. State. and right. 1957. № 7. S.71.

8. See: Strogovich M.S. Criminal pursuit in the Soviet criminal process / M.S. Strogovich. M., 1951. S. 118; Karneeva L.M. Processual position of the suspected in connection with the project UPK USSR / L.M. Karneeva // Of sots. legality. 1954. № 12. S. 20-21.

9. Vedomosti of the congress of the people deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1989. № 23. St. 441.

10. Meeting of legislation RF. 1995. № 29. St. 2759.

11. Vedomosti of the congress of the people deputies RF and the Supreme Soviet RF. 1992. № 25. St. 1389.

12. Melnikov V.YU. Rights of personality in the criminal process // the vital problems of Russian right. 2013. № 1. S. 84-90.

Сведения об авторах:

Марков Артем Иванович – Магистрант Центрального филиала, Российского государственного университета правосудия (ЦФ ФГБОУВО), artemivanovich2394@mail.ru

Дудоров Тимофей Дмитриевич – канд.юр.наук, доцент кафедры Уголовно-процессуального права, Российского государственного университета правосудия (ЦФ ФГБОУВО), timdudorov@yandex.ru

УДК 343.126

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСНОВАНИЙ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Синякова В.С.

магистрант Центрального филиала,

Российский государственный университет правосудия, Россия, г. Воронеж

Дудоров Т.Д.

доцент кафедры Уголовно-процессуального права, канд.юр.наук,

Российский государственный университет правосудия, Россия, г. Воронеж

Аннотация: В российском уголовном процессе самой строгой мерой пресечения, применяемой к подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, является заключение данного лица под стражу. Именно она в наибольшей степени ограничивает конституционное право граждан на свободу и личную неприкосновенность. В свете гуманизации и либерализации уголовного судопроизводства в науке уголовного процесса остро стал вопрос о пересмотре оснований для избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения. Актуальность рассматриваемой проблемы заключается в том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит четких критериев, в зависимости от которых следует избирать ту или иную меру пресечения. В связи с этим особое значение имеет неопределенность оснований для избрания заключения под стражу при разрешении судом соответствующего ходатайства следователя. Исходя из этого, мы предлагаем усовершенствовать ст. 108 УПК РФ.

Ключевые слова: Уголовный процесс, мера пресечения, цели пресечения, основания избрания, заключение под стражу, арест.

Уголовно-процессуальная деятельность в Российской Федерации осуществляется органами уголовной юстиции посредством применения к лицу, которое вовлечено в уголовное судопроизводство различных по характеру и объему мер государственного принуждения. Меры пресечения являются составной частью института мер уголовно-процессуального принуждения и занимают особое место в их системе. Это обусловлено, с одной стороны, спецификой мер пресечения, так как они являются самым распространенным социальным регулятором отношений, складывающихся в связи с совершением преступного деяния, с другой стороны, меры пресечения обладают признаком принудительности. Они направлены на обеспечение деятельности правосудия в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Вместе с тем, значимость любой меры пресечения заключается в том, что она, являясь частью государственного принуждения, в значительной мере ограничивает конституционные права и свободы подозреваемых и обвиняемых.

Говоря об общих требованиях уголовно-процессуального законодательства необходимо отметить, что цели мер пресечения, как государственного регулятора обеспечения правосудия в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, являющихся ориентиром деятельности органов предварительного расследования и суда. Так, меры пресечения применяются в целях предотвращения уклонения обвиняемого, подсудимого от дознания, предварительного следствия и суда; пресечения его дальнейшей преступной деятельности; воспрепятствования его попыткам помешать установлению истины по делу; обеспечения исполнения приговора (ч. 1 ст. 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) [1]. В соответствии с этим, меры пресечения направлены на обеспечение реализации функций уголовного преследования органами предварительного расследования, способствуют осуществлению правосудия по уголовным делам, а так же несут в себе превентивную функцию.

Таким образом, избрание меры пресечения преследует строго определенные цели, указанные в законе, и они не могут применяться в связи с иными поводами, например, для «наказания» подозреваемого, так как они не несут в себе карательного или воспитательного воздействия. Они имеют временный характер, поэтому действуют до вступления приговора в законную силу. Так же меры пресечения нельзя рассматривать как меры уголовной ответственности, поскольку они применяются в целях предотвращения различных процессуальных нарушений или предупреждения возможных преступлений со стороны лица, попавшего под подозрение или обвиняемого в совершении преступления. Именно благодаря

целям меры пресечения воплощают в действительность назначение уголовного судопроизводства и проявляют себя при реализации принципов и задач уголовного процесса.

Согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству наиболее строгой мерой пресечения является «заключение под стражу». Она в наибольшей степени ограничивает права и свободы лица, подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления, поскольку изолирует его общества в специальном месте для содержания заключенных под стражу лиц - следственном изоляторе.

Законодатель установил, что основанием для избрания данной исключительной меры пресечения является совершение преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Кроме того, в исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, при наличии одного из следующих обстоятельств: 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; 2) его личность не установлена; 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения; 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда (ч.1 ст.108 УПК РФ).

На первый взгляд положения ст. 108 УПК РФ представляются ясными и определенными в применении на практике. Однако в науке уголовного процесса появились все больше вопросов, связанных с размытостью, не конкретностью закрепления оснований применения именно заключения под стражу в качестве меры пресечения. В свете гуманизации уголовного процесса вопрос изменения законодательства, регламентирующего порядок и основания применения самой строгой меры пресечения российского уголовного судопроизводства на сегодняшний день стоит довольно остро.

Различные предложения по изменению ст. 108 УПК РФ неоднократно высказывались учеными-процессуалистами и ранее. В частности, В.А. Михайлову видится предпочтительным поставить в зависимость от санкции уголовно-правовой нормы выбор той или иной меры пресечения [2, с.34]. Аналогичного мнения придерживается и О.И. Цоколова. Так, в частности, она предлагает внести следующие формулировки оснований для избрания различных мер пресечения в УПК РФ в зависимости от категории преступления: 1) преступления небольшой тяжести (умышленные и неосторожные преступления, максимальное наказание за которые - до

двух лет лишения свободы) - подписка о невыезде; личное поручительство; 2) преступления средней тяжести (неосторожные преступления, максимальное наказание за которые превышает два года лишения свободы; умышленные преступления, наказание за которые не превышает пяти лет лишения свободы) - подписка о невыезде; личное поручительство; залог. Если избрание указанных мер невозможно, то избирается заключение под стражу; 3) преступления тяжкие (умышленные преступления, максимальное наказание за которые не превышает десяти лет лишения свободы) - залог; домашний арест; заключение под стражу; 4) преступления особо тяжкие (максимальное наказание за которые превышает десять лет лишения свободы) - заключение под стражу [3, с.6].

Е.В. Гусельникова полагает, что избрание вида меры пресечения должно напрямую зависеть от того вида наказания, который предусмотрен статьей Особенной части УК РФ. Так, если в качестве наказания особенная часть уголовного кодекса предусматривает штраф, то целесообразно применить к лицу, совершившему такое преступление, залог в качестве меры пресечения [4, с.9].

Такая идея не может заслуживать поддержки, так как все статьи УК РФ являются альтернативными, т.е. предусматривают различные виды наказаний, что делает предложение Е.В. Гусельниковой фактически неисполнимым.

Предпочтительнее представляется классификация, предложенная Цоколовой О.И., так как категория преступления является устойчивым явлением, в отличие от санкций тех или иных статей УК РФ. Вместе с тем, судье недостаточно лишь указать на категорию преступления. Необходимо учитывать личность подозреваемого, обвиняемого, в частности, факты и особенности его прежней судимости.

Для рассмотрения указанной нами проблемы прибегнем к анализу законодательства других стран. К примеру, УПК ФРГ закрепляет положение о том, что постановление о предварительном заключении в отношении обвиняемого может быть вынесено не иначе, как при наличии существенного подозрения лица в том, что именно он совершил данное преступное деяние. Данное постановление является основанием применения заключения под стражу. Оно не может быть вынесено в случаях, если применение меры пресечения в виде заключения под стражу несоизмеримо значению дела, ожидаемому наказанию лица, предположительно совершившего преступления, а также мере его возможного исправления и безопасности. Основание применения заключения под стражу наличествует, при наличии таких конкретных фактов, как: должно быть установлено, что обвиняемый, подозреваемый не имеет места жительства на территории ФРГ или данное

лицо скрывается; в соответствии с обстоятельствами конкретного дела существует реальная опасность, что обвиняемый будет уклоняться от участия в уголовном процессе; исходя из поведения обвиняемого наличествует существенное подозрение в том, что он: будет уничтожать, изменять, устранять, скрывать или фальсифицировать доказательства, оказывать злоумышленное влияние на других обвиняемых по тому же делу, свидетелей или экспертов или склонять других к таким действиям, и если поэтому возникнет опасность того, что установление истинных обстоятельств дела будет усложнено [5]. Нам представляется, что в УПК РФ целесообразно закрепить положение о том, что заключение под стражу не применяется, если ее применение несоразмерно значению дела и ожидаемому наказанию. Это сняло бы многие вопросы при рассмотрении ходатайств следователей о заключении под стражу судом. Также это будет способствовать лучшей мотивировке судебного решения, т.к. в настоящее время суд вынужден оперировать только требованиями, предусмотренными ст. 97, 99, 108 УПК РФ, которые, на наш взгляд, представляются не совсем достаточными.

В соответствии с ч.1 ст.126 УПК Республики Беларусь [6] заключение под стражу применяется к лицам, подозреваемым или обвиняемым в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления против мира и безопасности человечества, государства, военного преступления, преступления, сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека. Данная мера пресечения применяется по мотивам одной лишь тяжести преступления. Представляется, что возможность заключения под стражу лица, подозреваемого в совершении преступлений с повышенной общественной опасностью, является правильной. В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [7] на первоначальных этапах производства по уголовному делу тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок могут служить основанием для заключения подозреваемого или обвиняемого под стражу ввиду того, что он может скрыться от дознания, предварительного следствия. Таким образом, даже в отношении подозреваемых в совершении особо тяжких преступлений возможно применение любой меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, что представляется недопустимым, ввиду опасности таких лиц для общества.

Новый уголовно-процессуальный кодекс Украины предусмотрел исключительно дифференцированный подход к избранию той или иной меры пресечения. Так,

в соответствии с ч. 3, 4 ст.183 УПК Украины [8] следственный судья или суд при постановлении соответствующего решения о применении меры пресечения в виде содержания под стражей обязан определить размер залога, достаточный для обеспечения выполнения подозреваемым, а также обвиняемым тех обязанностей, которые предусмотрены этим Кодексом. Вместе с тем, следственный судья или суд при постановлении определения о применении меры пресечения в виде содержания под стражей, учитывая основания и обстоятельства, предвиденные статьями 177 и 178 этого Кодекса, имеет право не определить размер залога в уголовном производстве: 1) относительно преступления, совершенного с применением насилия или угрозой его приложения; 2) относительно преступления, которое повлекло гибель человека; 3) относительно лица, относительно которого в этом производстве уже избиралась мера пресечения в виде залога, который однако, был нарушен. Такой подход, по нашему мнению, вряд ли может быть поддержан, ввиду того, что лицо может, по сути, официально откупиться от уголовного преследования даже по наиболее тяжким преступлениям и, воспользовавшись промедлением, скрыться от следствия.

Однако особого интереса заслуживает дифференциация оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу в зависимости от наличия или отсутствия судимости лица, а также от срока или размера предусмотренного законным наказания. Так, в соответствии с ч.2 ст.183 УПК Украины [9] мера пресечения в виде содержания под стражей может быть применена только в исключительных случаях, которые прописаны в соответствующем законе. К таким случаям относятся ситуации, когда прокурором, помимо общих оснований применения меры пресечения будет доказано, что подозреваемый, обвиняемый в совершении преступления, в санкции статьи которого предусмотрено основное наказание в виде штрафа в размере свыше трех тысяч рублей не исполнил обязанности, которые были возложены на него при применении ранее избранной меры пресечения, или данное лицо не выполнило требований относительно внесения денежных средств, как залога и предоставления перечня документов, которые подтверждают данный факт. Также УПК Украины дифференцирует применение заключения под стражу в зависимости от наличия судимости и тяжести совершенного деяния. В частности, заключение под стражу может применяться к лицу, имеющему ранее судимость, если оно подозревается или обвиняется в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет, а также к лицу, ранее не судимому, если оно подозревается или обвиняется в со-

вершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет. Однако и в этих случаях прокурор обязан доказать, что, находясь на свободе, подозреваемый или обвиняемый могут совершить противоправные действия. К тому же законодательство Украины закрепляет положения и о том, что вне зависимости от поведения подозреваемого или обвиняемого, заключение под стражу применяется: к лицу ранее не судимому, которое подозревается или обвиняется в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пяти лет; к лицу, имеющему ранее судимость, если оно подозревается или обвиняется в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет; к подозреваемому, обвиняемому, если он разыскивается соответствующими компетентными органами иностранного государства за уголовное правонарушение, в связи с которым может быть решен вопрос о экстрадиции данного лица такому государству для привлечения его к уголовной ответственности или исполнению приговора. В данных случаях с прокурора снимается обязанность по доказыванию противоправного поведения обвиняемого или подозреваемого в совершении уголовного-наказуемого деяния.

Такое разделение прямо напрашивается к использованию соответствующего положения и в УПК России. Так, в соответствии с п.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41, вывод суда о том, что лицо может продолжать заниматься преступной деятельностью, может быть сделан с учетом, в частности, совершения им ранее умышленного преступления, судимости за которое не снята и не погашена. Позиция ВС РФ по данному вопросу свидетельствует о правильности нашей точки зрения. В этой связи, представляется, что в УПК РФ необходимо ввести четкое указание на то, что судимость лица должна учитываться при избрании меры пресечения.

Таким образом, мы считаем, что в УПК РФ необходимо внести изменения, которые позволят дифференцированно подходить к вопросу о применении мер пресечения. Необходимость законодательного изменения оснований, по которым может применяться заключение под стражу, обусловлено и развитием законодательства по пути все большей гуманизации, а также и существующей проблемой переполненности следственных изоляторов лицами, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В этой связи необходимо поставить применение той или иной меры пресечения в зависимость от категории преступления и наличия судимости. Представляется, что мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана только в от-

ношении подозреваемых и обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также ранее судимых подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления средней тяжести. В исключительных случаях, предусмотренных ч.1 ст.108 УПК РФ, данная мера пресечения может быть избрана и в отношении других подозреваемых.

С учетом изложенного ч.1 ст.108 УПК РФ должна выглядеть следующим образом: Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, а также ранее судимых подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления средней тяжести при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. ... В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, при наличии одного из следующих обстоятельств: 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации; 2) его личность не установлена; 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения; 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда. На наш взгляд такой подход к пониманию оснований избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу разрешит вопрос о фактическом применении других мер пресечения, например, залога, а также возможности лица, ранее не судимого и характеризующегося положительно, избежать ограничение его конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Российская газета. – 2001. – 22 дек.

2. Михайлов В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. – М.: Право и Закон, 1996. – 304 с.

3. Цоколова О.И. Проблемы совершенствования оснований применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Российский следователь. – 2005. – № 5.

4. Гусельникова Е.В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Томск, 2001. – 9 с.

5. Головненков П., Спицина Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31525866 (дата обращения: 27.01.2016)

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900295#load_text_none_1_ (дата обращения: 16.01.2016)

7. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 N 41 // Российская газета. – 2013. – 27 дек.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 28.12.1960 № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/79-upku.html> (дата обращения: 16.01.2016)

Bibliografy:

1. Criminal procedure code of the Russian Federation from 18.12.2001 № 174-FZ (ed. from 13.07.2015) // Russian newspaper. – 2001. – 22 dek.

2. Mikhaylov V.A. Measures for suppression in the Russian criminal process. – M.: Right and law, 1996. – 304 s.

3. Tsokolova O.I. Problems of the improvement of the bases of the application

of a measure for the suppression in the form of conclusion under strazhu // Rossiyskiy inspector. - 2005. - N 5.

4. Guselnikova E.V. The conclusion is hearth to guard in the system of the measures for the suppression: Author's Abst. dis. Cand. jurid. sciences. Tomsk, 2001. – 9 s.

5. Golovnenkov P., Spitsina N. Criminal procedure code of Federal Republic of Germany. Practical-scientific commentary and the transfer of text the zakonaElektronnyy resource is. – the regime of the access: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31525866 (date of the rotation: 27.01.2016)

6. Criminal procedure code of the Republics Belarus' from 16.07.1999 № 295-3 the electronic resource. – Regime of the access: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900295#load_text_none_1_ (the date of the rotation: 16.01.2016)

7. On the practice of application by the vessels of legislation about the measures for the suppression in the form of conclusion hearth to guard, confinement to quarters and the guarantee: Decisions of the plenum of the Supreme Court RF from 19.12.2013 N 41 // Russian newspaper. – 2013. – 27 dek.

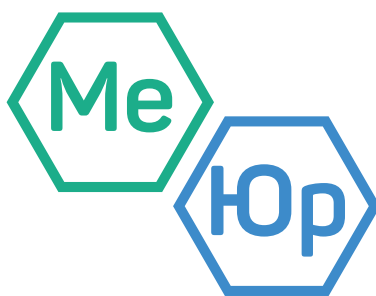
8. Criminal procedure code of the Ukraine from 28.12.1960 № 2 the electronic resource. – Regime of the access: <http://pravoved.in.ua/section-kodeks/79-upku.html> (the date of the rotation: 16.01.2016)

Сведения об авторах:

Синякова Валентина Сегеевна – Магистрант Центрального филиала, Российского государственного университета правосудия (ЦФ ФГБОУВО), v.sergeevna93@yandex.ru

Дудоров Тимофей Дмитриевич – канд.юр.наук, доцент кафедры Уголовно-процессуального права, Российского государственного университета правосудия (ЦФ ФГБОУВО), timdudorov@yandex.ru

МЕДИЦИНА

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Археология	Ар	По	Политология
Биология	Би	Пс	Психология
Ветеринария	Ве	Сх	Сельское хозяйство
Военное дело	Вд	Сг	Социология
Демография	Де	Са	Строительство и Архитектура
Информатика	Ин	Тн	Технические науки
Искусствоведение	Ик	Фз	Физика
История	Ис	Фк	Физическая культура и спорт
Журналистика и СМИ	Жу	Фл	Филология
Культурология	Ку	Фф	Философия
Математика	Ма	Хи	Химия
Медицина	Ме	Эк	Экология
Науки о земле	Нз	Эу	Экономика и управление
Педагогика	Пе	Юр	Юриспруденция